

АННА ВЕРБОВСКАЯ

ОПЯТЬ
ДВОЙКА
ШКОЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

#ШКОЛЬНОПРИКОЛЬНО

«МАЛЫШ»

Борьба за независимость

Хорошо сидеть дома, когда за окном дождь. Не дождь, а настоящая буря. Не буря, а тайфун. Цунами. Ураган. Ветер рвёт с корнями деревья. От грома трясутся стены. В окнах дребезжат стёкла. А ты сидишь дома... Сидишь и выдумываешь всё это: про ураган, про цунами, про дождь...

Нет, дождь идёт на самом деле. Только тихий и какой-то неуверенный. Он робко стучит в окно. Струится по стеклу тонкими змейками. На столе горит лампа. На кресле лежит плед. Под пледом...

— Доченька! Вынеси, будь добра, мусор!

Доченька — это, конечно, я. Я сижу в кресле, под пледом. В руках у меня книга. Интересная, между прочим, книга. Про

пиратов, пиастры и одноногого Джона Сильвера. Про «йо-хо-хо» и чёрную метку. Я читаю и одновременно слушаю дождь. Слушаю и радуюсь, что вот он идёт, а я сижу. Сижу дома, в тепле. На столе горит лампа...

— Иду, мамочка!

Я откладываю книгу. Выключаю лампу. Наматываю на шею шарф. Мусоропровода у нас нет, и мне придётся тащиться с ведром на улицу. Туда, где дождь, и цунами, и ураган.

— Не задерживайся!

— Хорошо, мамочка, не волнуйся!

Первое, что я увидела, выйдя на ули-

цу, была огромная лужа. Она разлилась от подъезда до самой помойки. А в центре лужи, в самой её глубокой середине, стояла Танька. Стояла, раскинув в стороны руки и запрокинув к небу голову. Зажмурившись, подставляла дождю лицо. Улыбалась. Вид у Таньки был блаженно-глупый. Как, впрочем, у всякого счастливого человека.

— Ты чего это, Тань?

— Простужаюсь, — не поворачивая головы, ответила Танька.

— Зачем?

— Завтра ж контрольная.

— Ну и что?

— Тебе ничего, а мне... Слушай! — Танька повернула ко мне голову и открыла глаза. — Давай вместе?!

— Чего?

— Простужаться! Вставай рядом, — Танька широким жестом указала на лужу, словно это и не лужа вовсе, а её царская вотчина.

— Не, — сказала я, — меня мама ждёт.

Осторожно, стараясь не промочить ноги, я обошла Таньку и направилась к помойке. В нос мне ударил кислый запах тухлого лука и гнилых картофельных очисток. Пока я вытряхивала мусорное ведро, Танька бубнила:

— Никакой в тебе романтики. Скучный ты человек. И жизнь у тебя скучная. Серая у тебя житуха.

В общем-то, Танька права. Жизнь у меня действительно скучная. Неинтересная. Без историй и приключений. Без сумасбродств и потрясений. Без фантазии и полёта. А всё потому, что я очень послушная девочка. Я всегда делаю, что мне говорят. Вот, пожалуйста: выношу в дождь мусор. Не грублю взрослым. В автобусе уступаю место пожилым людям и пассажирам с детьми. В школе получаю пятёрки. Дома подметаю пол и мою посуду. В мороз надеваю шапку и тёплые штаны. Не грублю... ах, да, это уже было...

— Ну что тебе стоит постоять со мной? Ну, немножко? — продолжала нить Танька, пока я на цыпочках пробиралась по краю лужи к своему подъезду. — Постояли бы, попростужались... эх, скучный ты че...

— Танька! Ах, ты! Чтоб тебя!!!

Мы с Танькой одновременно оглянулись.

От автобусной остановки к нашему дому, волоча огромную сумку и размахивая зонтом, неслась тётя Катя — Танькина мама. «Ну, сейчас начнётся», — подумала я и на всякий случай отошла на безопасное расстояние.

— Ах, ты! Чтоб тебя!!!

Тётя Катя, как тяжелогружёная баржа, взрезала гладкую поверхность лужи и подняла целый фонтан брызг, окатив ими Таньку, себя и немножко меня. Танька принялась дико хохотать и подпрыгивать, топая и расшвыривая ногами воду.

— Чтоб тебя!!!

Тётя Катя попыталась дотянуться своим зонтом до Танькиного зада. Но Танька как безумная скакала и носилась кругами по луже, увилывая от тёти Кати и её зонта.

— Чтоб тебя, окаянная! Выйди из лужи! — ругалась тётя Катя.

А Танька только смеялась. Трясла головой. Дрыгала ногами. Так они и неслись до самого подъезда: все мокрые с ног до головы. Танька хохотала, вихляя задом, а тётя Катя размахивала зонтом и своей огромной сумкой.

Да, что и говорить, жизнь у Таньки весёлая. Не то что у меня...

— Плохо, — задумчиво сказала Танька.

Мы стояли на перемене у окна. Танька внимательно разглядывала в своём дневнике жирную красную двойку.

— Что плохо? — спросила я.

Хотя и так понятно, что «плохо». Простудиться в тот раз Таньке так и не удалось. За контрольную ей поставили двойку. И теперь тётя Катя заставит Таньку стоять в углу. А Танька стоять не будет. И тётя Катя будет гоняться за ней с венником по всему дому.

— Не расстраивайся, Тань, — отчего-то мне вдруг стало её очень жалко, и я положила ей на плечо руку, — как-нибудь...

— Не расстраивайся?! — Танькины брови поползли вверх от удивления. — Почему это я должна расстраиваться?

— Ну... как же, — настала моя очередь удивляться, — ты же... сама... плохо тебе...

— Не мне, — сказала Танька.

— А кому?

— Тебе!

— Мне?

— Тебе, тебе! — Танька сбросила со своего плеча мою руку. — От тоски и безысходности!

— Безысходности? — опешила я.

— Ну да! У тебя за контрольную что? Опять пятёрка?

— Ну.

— Ну вот! Тоска и безысходность. Не надоело?

Танька уставилась на меня серьёзным пристальным взглядом. Я не знала, что ответить.

— Не надоело? — переспросила Танька и зловеще сощурила глаза. — Так и будешь всю жизнь получать свои пятёрки и выносить мусор. Так и будешь...

Я растерялась. Мне было непонятно, какая связь существует между мусором и моими пятёрками.

— Тот, кто получает пятёрки, — объяснила Танька, — слушается старших. Кто слушается старших, выносит мусор. Так и пройдут твои лучшие годы... на помойке.

Танька говорила так логично и убедительно, что я испугалась.

— Что же делать-то, Тань?

— Смотри на меня!

Я посмотрела. Танька как Танька. Ничего особенного.

— Надо жить, как я. Полной жизнью, — сказала Танька. — Понимаешь?

Я кивнула, не имея представления, о чём это она.

— Независимой надо быть, — пояснила Танька. — Ясно?

Я опять кивнула.

— Только независимость тебе вот так вот — ни с того ни с сего — никто не отдаст. За неё бороться надо.

Танька согнула руку в локте, демонстрируя отсутствующие мускулы. Потом задёргала у меня перед носом кулачками, показывая, как именно надо бороться за свою независимость.

У меня в голове замельтешило — то ли от Танькиных худосочных кулачков, то ли от неизвестно откуда всплывших обрывков мыслей. Борьба за независимость... смерть бледнолицым... голодающие народы Африки... демонстрация протеста... марш несогласных... мы не рабы, рабы не мы... проклятые капиталисты... борьба за независимость.

Танька с интересом наблюдала за моим лицом.

— И вся-то наша жизнь есть борьба-а-а! — фальшиво пропела она противным тоненьким голосом.

И тут меня наконец осенило! Вот оно, оказывается, в чём дело! Оказывается, вся

Танькина жизнь: дикие пляски по лужам, двойки, дрыганье ногами, замечания в дневнике — не что иное, как борьба. Самая настоящая борьба за независимость.

Увидев просветление на моём лице, Танька с облегчением вздохнула.

— Иди и борись, — напутствовала меня она.

Когда я пришла домой, мама возилась с тряпкой в прихожей — мыла пол. Щёки её покраснели от напряжения, ко лбу прилипла прядь волос.

— Доченька! — ласково улыбнулась мама. — Что так долго?

Не отвечая, я протопала грязными ботинками по чистому, влажному после мытья полу. Зашвырнула на диван портфель. Вслед за портфелем зашвырнула пальто.

— Что случилось? — спросила мама. В её голосе не было упрёка, только беспокойство и удивление.

Вслед за пальто я зашвырнула шарф.

— Ах, да! — спохватилась мама. — Пока ты не разулась... Доченька, вынеси, пожалуйста, мусор.

— Сама!

— Что? — не поняла мама.

— Сама выноси свой дурацкий мусор!